

Александр
Городницкий

Александр Городницкий

«У Геркулесовых столбов...»

Моя кругосветная жизнь
(3-е издание, дополненное и исправленное)

Москва
2016

УДК 821.161.1-94
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Г70

В оформлении переплета использована иллюстрация художника
С. Яковлева

В книге использованы фотографии *И. Акимова, Н. Аккуратовой, Ю. Богданова, О. Вахрушевой, О. Мартин*, Посольства Российской Федерации во Франции, из личного архива *Александра Городницкого*, а также кадры из документального сериала «Атланты держат небо...» (режиссер *Наталья Касперович*, оператор *Семен Фридлянд*)

Редакция благодарит художника *Бориса Жutowского*
за предоставленные графические работы из серии
«Последние люди Империи»

Городницкий, Александр Моисеевич.
Г70 «У Геркулесовых столбов...»: моя кругосветная жизнь /
Александр Городницкий. — 3-е изд., доп. и испр. Москва : Яуза :
Эксмо, 2016. — 512 с., 16 л. ил. — (Александр Городницкий).
ISBN 978-5-699-90408-2

«У Геркулесовых столбов», «Атланты держат небо», «От злой тоски не матерись» («На материк»), «Над Канадой небо синее», «Жена французского посла», «Снег», «Перекаты», «Кожаные куртки» («Песня полярных летчиков») — эти песни Александра Городницкого известны, наверное, каждому. Его именем названа малая планета Солнечной системы и перевал в Саянских горах. Его телепередача «Атланты. В поисках истины» стала одной из лучших научно-популярных программ российского телевидения, отвечая на самые сложные и спорные вопросы: где следует искать легендарную Атлантиду; ждет ли нас в будущем глобальное потепление — или, наоборот, похолодание; затопит ли наводнение Петербург; можно ли предсказывать землетрясения и цунами; почему Запад скрывает огромные захоронения химического оружия в Балтийском море и др.

В этой книге знаменитый поэт и ученый, объехавший весь мир, плававший по всем океанам, побывавший на всех континентах, на обоих полюсах и на дне глубоководных впадин, не просто подводит итоги своей «кругосветной жизни», не только вспоминает прошлое, но и размышляет о будущем: какие тайны и открытия ждут нас за «Геркулесовыми столбами» обыденности, за пределами привычного мира...

УДК 821.161.1-94
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-90408-2

© Городницкий А.М., 2016
© ООО «Издательство «Яуза», 2016
© ООО «Издательство «Эксмо», 2016

ПРЕДИСЛОВИЕ

В начале 2000-х годов мне позвонили из моего родного Питера и пригласили принять участие в вечере «Звездные имена Петербурга» вместе с другими моими земляками, в честь которых названы малые планеты Солнечной системы. Так, неожиданно для себя я узнал, что в 1999 году по решению Российской академии наук моим именем была названа малая планета (астероид) № 5988 в созвездии Весов диаметром девять километров. Несколько лет спустя мне прислали письмо из Сибири, в котором сообщалось, что моим именем назван перевал на Восточном Саяне. Известия как будто радостные, но мне от них почему-то стало грустно.

Моя жизнь делится на две примерно равные части. Первому ее этапу была посвящена книга «Атланты держат небо...» с подзаголовком «Воспоминания старого островитянина». Такой подзаголовок был дан книге не случайно. Я родился в далеком уже 1933 году на Васильевском острове в Ленинграде, пережил блокаду. По окончании геофизического факультета Ленинградского горного института я был принят на работу в Научно-исследовательский институт геологии Арктики, где проработал около семнадцати лет. Каждый год я отправлялся летом на полевые работы в различные районы Крайнего Севера. Там я начал писать песни. В 1964 году побывал на дрейфующей станции на Северном полюсе.

В 1962 году я впервые отправился в океанскую экспедицию на борту экспедиционного океанографического парусника «Крузенштерн». В 63-м, во время очередной экспедиции в Северную Атлантику, «Крузенштерн» зашел в Гибралтарский пролив, и я впервые увидел знаменитые Геркулесовы столбы. В 65-м, когда мы снова заходили в Гибралтар, я написал, ставшую широко известной, песню:

У Геркулесовых столбов лежит моя дорога,
У Геркулесовых столбов, где плавал Одиссей.
Меня оплакать не спеши, ты подожди немного,
И черных платьев не носи, и частых слез не сей.

Еще под парусом тугим в чужих морях не спим мы,
Еще к тебе я доберусь, не знаю сам когда.
У Геркулесовых столбов дельфины греют спины
И между двух материков огни несут суда.

Еще над черной глубиной морочит нас тревога
Вдали от царства твоего, от царства губ и рук.
Пускай пока моя родня тебя не судит строго,
Пускай на стенке повисит мой запыленный лук.

У Геркулесовых столбов лежит моя дорога.
Пусть южный ветер до утра в твою стучится дверь.
Ты не спеши меня забыть, ты подожди немного,
И вина сладкие не пей, и женихам не верь!

И всюду, где бы я потом ни находился, я всегда вспоминал Геркулесовы столбы, край древней ойкумены, где атланты держат небо. За пределами Геркулесовых столбов, «в истинном Понте», как указывал знаменитый Платон, автор легенды об Атлантиде, начинается неведомый мир, таящий неизвестные тайны и открытия.

Океанские плавания на «Крузенштерне» круто изменили всю мою жизнь. В 72-м я переехал в Москву и перешел на работу в Институт океанологии имени П. П. Шишова Академии наук СССР. С этого времени начался второй этап мо-

ей жизни, с которым были связаны многолетние регулярные экспедиции в различные районы Мирового океана, погружения на дно в подводных обитаемых аппаратах. Вместе с ведущими отечественными учеными Львом Павловичем Зоненшайном и Олегом Георгиевичем Сорохтиным я принимал участие в разработке основных положений теории тектоники литосферных плит, которая произвела революцию в науках о Земле.

Именно этому второму, московскому, периоду моей жизни посвящена вторая книга воспоминаний. Наряду с рассказами об экспедициях и поездках по разным странам мира значительное место в ней уделено выдающимся поэтам и писателям фронтового поколения, с которыми мне довелось дружить. Некоторые главы книги написаны по мотивам автобиографического сериала документальных фильмов «Атланты держат небо...», снятого в 2005–2009 годах совместно с режиссером Натальей Касперович и безвременно ушедшим из жизни замечательным оператором Семеном Фридляндом.

В последние годы ансамбль «Песни нашего века» выпустил несколько альбомов, персонально посвященных творчеству ушедших из жизни бардов — Окуджавы, Визбора, Высоцкого, Берковского. Несколько лет назад я узнал, что они начали записывать диск с моими песнями. «Ребята, — сказал я братьям Мищукам, — я же еще живой!» На это они мне ответили: «Не волнуйтесь, мы его еще не записали». Теперь они уже его записали.

Жизнь моя пошла на последний поворот, как поется в старой песне «Перекаты», и мне хотелось бы успеть рассказать о людях, которые сыграли в ней немалую роль и которым я благодарен за формирование в моей душе того, что не очень точно называется мировоззрением. В книгу вошло немало стихов и песен, иллюстрирующих написанное.

Автор считает своим приятным долгом выразить сердечную благодарность Наталии Аккуратовой, Яне Любарской и Игорю Петровскому за помощь в подготовке этой книги к изданию.

Когда-то в песне, появившейся в далеком 1970 году, я написал такие строчки:

Пусть годы с головы дерут за прядью прядь.
Пусть грустно оттого, что без толку влюбляться, —
Не страшно потерять умение удивлять, —
Страшнее потерять умение удивляться.

Так что старым я себя пока не считаю.

ПЕРЕУЛКИ АРБАТА

*Нет пути, нет возврата
В переулки Арбата, —
В перелив, перепев, перезвон,
К той земле позабытой,
Позабытого быта, —
Только в сердце останется он.*

*Утомленное солнце
Освещало оконце.
Радиола стояла в окне.
Звуки старого танго,
На портрете Вахтангов
Неожиданно вспомнятся мне.*

*Нет пути, нет возврата
В переулки Арбата,
К незапамятным тем временам,
С нашей юностью шаткой
И Собачьей площадкой,
Что однажды привиделась нам.*

*Нет пути, нет возврата
В переулки Арбата,
Но оплакивать их не спеши:
Есть звенящая вечность,
И щемящая верность
Оголенной, как провод, души.*

*Нет пути, нет возврата
В переулки Арбата,
В позабытые нынче года.
Этот мир необъятный
Не вернется обратно,
Никогда, никогда, никогда.*

В начале 1970-х годов я переехал из Ленинграда в Москву. Переезд этот был для меня мучительным. Даже когда меняешь что-нибудь одно — работу, семью или место, где живешь, — долго не можешь привыкнуть к новому. Мне же пришлось поменять все сразу. Из родного своего Научно-исследовательского Института геологии Арктики, где я к тому времени руководил лабораторией морской геофизики, я попал в Институт океанологии имени Петра Петровича Ширшова Академии наук СССР на должность старшего научного сотрудника не в научные отделы, где мест не было, а в административную группу Координационного центра стран — членов Совета экономической взаимопомощи.

Мой безвременно ушедший из жизни друг Игорь Михайлович Белоусов рассчитывал через полгода перевести меня к себе — в отдел геофизики и тектоники океанического дна, но его внезапная смерть поломала эти планы. Ни о какой геологии и геофизике в Координационном центре не могло быть и речи. В обязанности мои входила служба приезжающих из соцстран ученых, а также составление и переписывание бесконечных бумажек и мертворожденных планов совместных работ и совещаний. Эта бессмысленная бумажная служба с первых же дней вызвала у меня непреодолимое отвращение. Профессор Глеб Борисович Удинцев, руководивший в то время отделом геофизики и тектоники океанического дна, как оказалось, весьма неприязненно относился к Игорю и ясно дал мне понять, что на перевод мой в его отдел я рассчитывать не могу. Что было де-

лать? Уезжать несолоно хлебавши обратно в Ленинград? Я и в самом деле начал всерьез подумывать об этом и даже договорился с дирекцией своего бывшего института о возвращении. Однако осенью 72-го года я познакомился с Олегом Георгиевичем Сорохтиным, готовившим тогда к защите докторскую диссертацию и увлекавшимся идеями тектоники литосферных плит, который согласился взять меня на работу в свою группу. С большим трудом, благодаря активной поддержке Сорохтина и благорасположению грозного директора института Андрея Сергеевича Монины, мне удалось наконец расстаться с Координационным центром и перейти в группу тектоники литосферных плит, преобразованную позднее в лабораторию.

Олегу Сорохтину я обязан не только служебным переводом, но и многим другим. Будучи человеком, фанатично увлеченным современной геологической концепцией формирования и эволюции нашей планеты, геофизик с широким кругозором и дерзкой поэтической фантазией, он сумел обратить в свою, тогда еще довольно крамольную, веру своих ближайших сотрудников, в том числе и меня. До встречи с ним я считал себя специалистом по магнитному полю, и мне этого вполне хватало. В дебри глобальной геологии и тектоники я не вникал, считая это излишним. «Чем вы занимаетесь?» — спросил он у меня при первой встрече и, узнав, что магнитным полем, скептически улыбнулся: «У американцев, да и у всех других зарубежных ученых нет таких понятий — магнитчик, сейсмик, электроразведчик. Есть одно понятие — геофизик. Ведь Земля — физическое тело, и, чтобы изучать ее, надо свободно владеть не одним, а несколькими геофизическими методами сразу. Иначе ничего не выйдет».

Сам Олег, сейсмик по образованию, да еще с «аппаратурным» уклоном, довольно свободно разбирался в физике Земли, теории геофизических полей, геологии и геохимии, не говоря уже о магнитном и гравитационном полях, сейсмике, тепловом потоке и так далее. Именно Сорохтин сделал меня убежденным сторонником новой глобальной теории — тектоники литосферных плит, основывающейся на идеях дрейфа континентов.

Согласно основным положениям теории тектоники литосферных плит, верхняя жесткая кристаллическая оболочка Земли — литосфера, подстилаемая снизу частично расплавленным веществом астеносферы, состоит из отдельных плит, которые могут перемещаться по астеносфере на расстояния в десятки тысяч километров. Там, где конвективные течения глубинного вещества в недрах нашей планеты идут вверх, плиты расходятся (как, например, в Атлантике), возникают рифтовые зоны и срединноокеанские хребты. Происходит раскрытие океана, и континенты, Африка и Европа, с одной стороны, и Северная и Южная Америка — с другой, отодвигаются друг от друга. Там, где конвективные течения идут вниз, например вдоль Курильских островов и побережья Камчатки, плиты, наоборот, сближаются, сталкиваются, пододвигаются одна под другую. Процесс этот сопровождается землетрясениями, вулканическими извержениями и другими геологическими катаклизмами, приводящими иногда к катастрофам, уносящим тысячи человеческих жизней и разрушающим города. Когда два материка сходятся вместе, то разделяющий их океан «закрывается», а сами континенты, сталкиваясь своими краями, образуют в пограничной зоне высокие горные системы, такие, как Альпы и Гималаи. С этими процессами тесно связано образование полезных ископаемых, и прежде всего нефти и газа. Сейчас считают, что нефтяные месторождения могут образовываться при поддвиге одной плиты под другую в осадочной толще края надвигающейся плиты.

Однако в начале 70-х годов концепция эта, уже получившая всеобщее признание на Западе, у нас считалась еретической. Вся «старая гвардия» отечественной геологической науки во главе с членом-корреспондентом В.В. Белоусовым, возглавлявшим Международный геофизический комитет, Академия наук, Министерство геологии, Московский государственный университет стеной встали против этого «буржуазного направления». В свете этого нельзя не отдать должное Андрею Сергеевичу Монину, который, будучи одним из ведущих ученых в области математики и физики, не только сам активно включился в разработку математической модели конвекции, приводящей к дрейфу континентов, но и не побоялся организо-

вать у себя в институте специальную лабораторию «тектоники плит». В то время это было все равно что поднять красный флаг на броненосце «Потемкин» в 1905 году. Вот в эту лабораторию мне и повезло попасть.

Нельзя не отметить при этом, что характер у Монины был крутой, вспыльчивый. Трудясь помногу сам, он требовал такой же отдачи от других, поэтому работать с ним, а тем более под его началом, было совсем непросто. Я помню, как, тяжело отдуваясь и хватаясь за сердце, выходил из директорского кабинета его заместитель по Южному отделению в Геленджике Яков Петрович Маловицкий. «Саня, — сказал он мне, вытирая платком пот со лба, — с Мониным же невозможно работать! Он требует от своих сотрудников мировых открытий, и при этом — каждый день!»

Сам Яков Петрович, один из ведущих ученых в области морской геологии и геофизики, прекрасный организатор, позже ушел из нашего института и стал большим начальником в Министерстве нефтяной промышленности — генеральным директором объединения «Союзморгео», базировавшегося в Мурманске. Помню, как, сидя у меня на кухне в Москве, он вызывал по телефону такси, чтобы доехать до аэропорта. «Саня, мне главное — до аэропорта добраться и в Мурманск улететь. А там я уже начальник, понял?»

В те поры для морских ведомств в Министерствах геологии и нефти была введена морская форма, но с какими-то довольно странными геологическими и совершенно не морскими атрибутами вроде молоточков и буровых вышек на рукавах и петлицах. Несмотря на огромное количество «золота», форма эта на непосвященных производила неоднозначное впечатление.

Вспоминаю, как мы вместе с Маловицким несколько лет спустя в гостях у нашего общего приятеля Сергея Александровича Ушакова, тоже, к сожалению, ушедшего из жизни, отмечали присвоение хозяину дома профессорского звания. Кончилось спиртное, и я предложил сходить в ближайший магазин за бутылкой коньяка. «Я с тобой, — заявил Маловицкий, натягивая на свои необъятные плечи расшитый золотом мундир штатского адмирала с депутатским значком на лацкане. — Мне без очереди дадут». С этими словами он нахлобучил на

голову гигантскую фуражку с золоченым «крабом», обнимавшим изображение буровой вышки, и мы отправились. Очередь в винном отделе действительно оказалась большой. «Девушка, бутылку коньяка», — сильным начальственным тоном произнес Яков Петрович, успешно растолкав своей грузной позолоченной фигурой толпу алкашей у прилавка. Неопрятного вида продавщица с испитым лицом окинула хмурым похмельным взглядом непонятную форму и неожиданно изрекла: «Гражданин, мы в спецодежде не обслуживаем!»

Что же касается тектоники литосферных плит, то ее идеи увлекли меня своей ясностью и удивительной согласованностью как с законами физики, так и с многочисленными геологическими фактами, до этого казавшимися грудой разрозненных сведений, никак между собой не связанных. Планета наша, представлявшаяся до этого неодушевленной неорганикой, оказалась подобием живого организма.

С увлеченностью, сильно подхлестнутой почти годовым отрывом от науки, я взялся за работу. Приходилось в сорок лет переучиваться заново, осваивая азы физики Земли, гравиметрии, геотермии, тектоники, вулканизма, палеомагнетизма и так далее. Мне часто вспоминались слова моего друга, безвременно погибшего в 1960 году талантливого геолога Станислава Погребницкого: «В науке лучше работать под заведомо ложную идею, чем вообще под никакую».

Одной из наиболее характерных особенностей моих собратьев-геофизиков, да, видимо, и моей, возвращенной в нас за долгие годы, было скупердяйское дрожание над полученными экспериментальными данными или какой-нибудь третьесортной идейкой. Общение с Олегом Сорохтиным полностью изменило эти мещанские представления. Он щедро расшвыривал идеи, которых у него было всегда великое множество, как будто совершенно не заботясь о собственном авторстве. Именно он впервые открыл мне глаза на то, что любой собранный экспериментальный материал — карта, разрез, результаты лабораторных анализов, — не одухотворенный ведущей идеей, мертв. Наше стремление участвовать во все новых съемках в океане он поддерживал далеко не всегда. «Надо ли тратить свои силы на получение нового материала, когда так много не-